

Научная статья

УДК 34

doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.019

10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие 1

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

А н н о т а ц и я . Данная работа открывает серию статей, посвященных поиску условий или основных принципов и «маяков», на которые следует ориентироваться при разработке и реализации уголовно-правовых механизмов, направленных на обеспечение эффективной инновационной деятельности в нашей стране. В первой статье анализируется сущность инновационной деятельности. Отмечается, что в настоящее время данное понятие, отраженное в нормативно-правовых актах, является аморфным и неоднозначным, так как сконструировано с нарушением приемов и правил законодательной техники. Отмеченные недостатки в понимании сущности и содержания инновационной деятельности приводят к неудачам в правовом регулировании отмеченной сферы. В полной мере это относится и к уголовному законодательству, что проиллюстрировано на конкретных примерах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инновационная деятельность; преступления; вредоносные компьютерные программы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Некрасов В. Н. 10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие 1 // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2023. № 3 (23). С. 156–165. doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.019.

Original article

Ten Conditions for Successful Transformation of Criminal Law in the Era of Innovative Changes. Condition No. 1

VASILII N. NEKRASOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

A b s t r a c t . This work opens a series of articles devoted to the search for conditions or basic principles and “beacons” that should be used in the development and implementation of criminal law mechanisms aimed at ensuring effective innovation in our country. The paper analyzes the essence of innovation activity. It is noted

that at present this concept, reflected in normative legal acts, is amorphous and ambiguous, since it is constructed in violation of means and rules of legislative technique. The noted shortcomings in understanding the essence and content of innovative activity lead to failures in the legal regulation of this sphere. This fully applies to criminal legislation, which is illustrated by concrete examples.

Key words: innovative activity; crimes; malicious computer programs.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Nekrasov V.N. Ten conditions for successful transformation of criminal law in the era of innovative changes. Condition No. 1. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 3 (23), pp. 156–165. doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.019.

Исток чего-либо есть происхождение его сущности
Мартин Хайдеггер

В последние несколько лет в современном обществе наблюдается стремительное развитие и обновление практически всех сфер жизни. Происходящие изменения, как правило, принято связывать с результатами научно-технического прогресса и инновационной деятельности, которые запускают процессы, меняющие не только современную действительность, но и позволяющие спрогнозировать обновление практически всех сфер общественной жизни в будущем. Причем скорость этих трансформаций увеличивается из года в год. Так, например, еще несколько десятилетий назад сложно было представить, что робот самостоятельно без участия судебного пристава будет на практике возбуждать исполнительное производство в отношении должника. Однако сегодня подобный пример – это не просто сюжет из фантастического фильма, а реальность [1].

В этой связи все активнее усиливается внимание к происходящим изменениям, причем на всех уровнях власти. Инновационная деятельность превращается в важнейший фактор конкурентоспособности любого государства. В этих условиях ключевой становится проблема обеспечения условий для безопасной, комфортной и результативной инновационной деятельности. В этой связи перед Российской Федерацией встают новые задачи, связанные в том числе с охраной общественных отношений в сфере инновационной деятельности. При всех позитивных изменениях, что несет с собой инновационное развитие, к сожалению, достижения науки и техники стимулируют появление новых, а также трансформацию традиционных форм преступности. Например, использование дронов в целях распространения наркотиков, совершения кибератак, а также нарушения неприкосновенности частной жизни. В этих условиях требуется поиск новых универсальных и динамичных уголовно-правовых механизмов воздействия на преступность в сфере инновационной деятельности.

В этой связи нами в серии статей хотелось бы обратить внимание на условия или основные принципы и «маяки», на которые следует ориентироваться при разработке и реализации уголовно-правовых механизмов, направленных на обеспечение эффективной инновационной деятельности в нашей стране.

Первое, на что следует обратить внимание, это сущность и содержание анализируемого вида деятельности.

Нововведения и достижения в области науки и техники еще несколько лет назад активно связывались с таким понятием, как «инновация», которое широко употреблялось в различных сферах жизни, в том числе и политической (например, в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации). Неудивительно, что после признания инноваций в качестве приоритетного развития экономики и общественной жизни в области правового регулирования данной сферы началось активное законодотворчество. В качестве примера можно привести утвержденную Правительством Российской Федерации 8 декабря 2011 г. Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

В настоящее время в специальной литературе имеется значительное число противоречивых и порой диаметрально противоположных точек зрения относительно сущности понятия «инновационная деятельность» [2; 3]. В свою очередь, определение инновационной деятельности сформулировано в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», где под ней понимается деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Вместе с тем, к сожалению, несмотря на наличие указанного определения и в подзаконных правовых актах, и иных документах нередко инновационная деятельность рассматривается как внедренческая, высокотехнологичная и т. п. (например, в НК РФ, в письме Инновационного совета при Совмине РСФСР от 19.04.1991 № 14-448, Минфина РСФСР от 14.05.1991 № 16/135В «Об инновационных (внедренческих) сферах деятельности»).

Данный факт подтверждают и результаты проведенного автором социологического исследования. В частности, нами были проанкетированы 560 респондентов из числа руководителей и сотрудников научно-технических и инновационных организаций, экономистов и юристов из 49 субъектов Российской Федерации. Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какие виды деятельности лежат в основе инновационной деятельности. 36 % опрошенных из числа представителей научно-технических и инновационных организаций полагают, что под инновационной следует понимать внедренческую деятельность; 27 % – научно-исследовательскую и иную научно-техническую деятельность; 19 % – цифровую, информационную и высокотехнологическую деятельность; 11 % – деятельность по коммерциализации исследований и разработок; 7 % – инвестиционную деятельность. В свою очередь, по мнению юристов, к инновационной относятся такие виды деятельности, как научно-исследовательская и научно-техническая (43 %); цифровая, информационная и высокотехнологическая (28 %); деятельность по коммерциализации исследований и разработок (19 %); внедренческая (7 %); инвестиционная (3 %). Из числа опрошенных экономистов 34 % считают, что в основе инновационной лежит деятельность по коммерциализации исследований и разработок, 29 % – внедренческая деятельность, 17 % – научно-исследовательская и научно-техническая деятельность, 13 % – инвестиционная деятельность, 7 % – цифровая, информационная и высокотехнологическая деятельность.

Отмеченные сложности в понимании инновационной деятельности являются следствием неудачной дефиниции, закрепленной в Федеральном законе «О науке и

государственной научно-технической политике». Представляется, что данное понятие является аморфным и неоднозначным, так как сконструировано с нарушением приемов и правил законодательной техники.

Анализ понятия «инновационная деятельность» позволяет заключить, что, на первый взгляд, результатами такой деятельности являются инновационные проекты и инновационная инфраструктура. Указанные понятия закреплены в том же документе, что и термин «инновационная деятельность». В этой связи возникает вопрос: может ли результатом инновационной деятельности являться инновация? Исходя из формального толкования понятия инновационной деятельности, закрепленного в указанном федеральном законе, нет. Получается, что инновационная деятельность может считаться таковой, только если результатами ее станут инновационные проекты или инновационная инфраструктура, а не инновация. Однако с таким положением дел сложно согласиться.

Инновационная деятельность – это процесс, в результате которого предмет преобразуется и единственным конечным итогом этого является инновация. Инновация есть конечный итог инновационной деятельности, то есть различных действий, направленных на создание инновации. Причем такие действия могут реализовываться на одном или нескольких этапах, как на первом, так и на последнем. Иными словами, инновационная деятельность – это необязательно совокупность последовательных этапов. Она может быть направлена не только на создание инновации, но и на получение промежуточных результатов – инновационной среды, способствующей созданию условий для появления инновации. Но инновационная среда и соответствующие проекты могут быть только промежуточными, а не итоговыми результатами деятельности. В этой связи промежуточные результаты инновационной деятельности являются новациями, то есть предметами, обладающими только частью признаков инновации. В свою очередь, инновации могут быть как процессом, так и результатом, но в любом случае они должны обладать признаками, присущими данному явлению. Инновация – это итог инновационной деятельности, который может быть представлен в виде результата и (или) процесса. Новшество – это промежуточный результат инновационной деятельности (например, проект или инфраструктура), обладающий только частью признаков инновации, в частности новизной.

Вызывает серьезные замечания и то, что исходя из формального толкования Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» в содержание инновационной деятельности включается только научная, технологическая, организационная, финансовая и коммерческая деятельность. Такой ограниченный перечень видов деятельности, относимых к инновационной, не учитывает значительное число видов деятельности, например цифровизацию. Однако это противоречит самой сути инновационной деятельности и правовым актам в этой сфере. В частности, подтверждением является Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», где под цифровыми инновациями понимаются новые или существенно улучшенные продукты (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процессы, новые методы продаж или организационные методы в деловой практике, организации рабочих мест или

во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным ч. 2 ст. 1 указанного федерального закона.

Причина такого несоответствия содержания рассматриваемого понятия кроется в том, что в настоящее время все отчетливее заметно, что модный несколько лет назад курс на инновационное развитие заменен ориентиром на цифровизацию и развитие искусственного интеллекта. Об этом свидетельствует в частности то, что по истечении срока реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года в нашей стране так и не было разработано и принято стратегического документа в данной сфере на новый плановый период. Вместе с тем Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, а Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Более того, все чаще стали появляться сообщения, что цифровизация пришла на смену инновации и модернизации [4].

Необходимо отметить, что такая быстрая смена трендов не только не позволяет достичь заявленных целей, но и приводит к хаосу в правовом регулировании инновационного развития. Так, в частности, законодатель еще не успел разобраться с содержанием категорий «инновация», «инновационная деятельность», как на смену им приходят новые не всегда понятные как законодателю, так и правоприменителю понятия.

Понятия «инновация», «информатизация», «цифровизация», «роботизация» и т. п. имеют много общего, однако являются самостоятельными дефинициями. Законодателю же, прежде чем давать их определение и использовать для конструирования норм уголовного закона, следует разобраться с сущностью и особенностями каждого из них и только после включать их в текст закона. Для обозначения тенденции трансформации традиционных объектов и их совершенствования, в результате которого повышается эффективность использования новшества, более точным и первичным является понятие «инновация». Инновационная деятельность – это особый вид деятельности, отличительной чертой которого является стимулирующий мотив, стремление к новизне, что является базовой ценностью личности. В этой связи инновация является стабильной и универсальной категорией, позволяющей обозначить сущность эволюционных, повышающих эффективность изменений, к которым относятся в том числе информатизация и цифровизация.

Информатизация же применительно к инновационной деятельности отражает такую ее сторону, как повышение эффективности деятельности в результате применения информационных технологий. В свою очередь, цифровизация позволяет получить инновационные результаты за счет перевода информации в такой ее вид, как цифровая информация, при помощи новых цифровых технологий, решений, процессов. Общим признаком всех перечисленных понятий является то, что в результате их использования повышается эффективность деятельности в применяемой области.

Отмеченные недостатки в понимании сущности и содержания инновационной деятельности приводят к неудачам в правовом регулировании отмеченной сферы. В полной мере это относится и к уголовному законодательству. Сегодня для уголовного права характерной становится ситуация отсутствия системного подхода в

применении уголовно-правовых средств для обеспечения нормального функционирования инновационной деятельности. В этой связи, не определившись с сущностью родового понятия, не имеет смысла вводить в законодательство производные от него термины (цифровизация, информатизация и т. п.).

К сожалению, сегодня законодатель исходит преимущественно из ситуативных и несогласованных мер и решений в анализируемой сфере. Проиллюстрируем данное утверждение. Так, в 2018 г. в УК РФ была введена уголовная ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158). Если в указанной статье в качестве предмета преступления рассматриваются «электронные денежные средства», то в ст. 159.3 преступное деяние совершается уже с электронными средствами платежа. В настоящее время активно ведется включение в законодательство понятий «цифровая валюта», «цифровой рубль», однако описанный пример свидетельствует о непостоянстве используемой терминологии в тексте кодекса в отношении уже вполне традиционных предметов и результатов инновационной деятельности.

В свою очередь, отсутствие четкого понимания и разграничения между собой таких понятий, как «инновация» и «инновационная деятельность», приводит к неудачам в правовой охране инновационных отношений. Так, в частности, в результате инновационной деятельности могут создаваться не только общественно полезные результаты, но и вредоносные, например вредоносные компьютерные программы. Реагируя на данную ситуацию, законодатель включил в УК РФ ст. 273, предусматривающую наступление уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. К результатам описанной в статье деятельности относятся: а) компьютерные программы; б) иная компьютерная информация, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Исходя из ст. 1261 ГК РФ, под компьютерной программой следует понимать представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Иными словами, компьютерная программа является системой, включающей в себя определенное число взаимосвязанных элементов, позволяющей ей функционировать как единое целое. В свою очередь, согласно примечанию к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

В связи с вышеизложенным и анализом ст. 273 УК РФ возникает ряд вопросов. В частности, что следует понимать под иной компьютерной информацией и как она соотносится с компьютерной программой. Использование при конструировании указанной статьи союза «либо» позволяет утверждать, что это два самостоятельных и равнозначных понятия. Данные понятия неверно соотносить как часть (компьютерная программа) и целое (иная компьютерная информация).

Вместе с тем, как быть в тех случаях, когда лицо создает часть компьютерной программы? Следует ли рассматривать подобные деяния как неоконченное пре-

ступление или признать его оконченным преступлением в виде создания иной компьютерной информации. Исходя из формального толкования текста ст. 273 УК РФ создание части компьютерной программы нельзя признать оконченным преступлением, поскольку иная компьютерная информация – это понятие, не являющееся синонимичным с понятием компьютерной программы. Однако это противоречит логике, для устранения чего даже потребовалось разъяснить данную проблему в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

Представляется, что данная ситуация является следствием несоблюдения законодателем при создании ст. 273 УК РФ практики конструирования составов преступлений, ранее включенных в Особенную часть. Так, при создании ст. 223 и 228 УК РФ указано, что преступление образуют действия не только по созданию огнестрельного оружия или наркотических средств, но и основных частей оружия или частей либо частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. В этой связи возникает вопрос: почему законодатель изначально при конструировании статьи не включил туда указание на то, что состав указанного преступления образует создание части компьютерной программы? В итоге ответ на указанный вопрос был получен лишь в 2022 г. в отмеченном выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем даже в данном постановлении имеются положения, вызывающие сомнения. В частности, в соответствии с п. 11 распространение вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации состоит в предоставлении доступа к ним конкретным лицам или неопределенному кругу лиц любым способом, включая продажу, рассылку, передачу копии на электронном носителе либо с использованием сети Интернет, размещение на серверах, предназначенных для удаленного обмена файлами. В свою очередь, например, согласно п. 22 отмеченного документа под распространением порнографических материалов понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования. Выходит, что применительно к вредоносным компьютерным программам или иной вредоносной компьютерной информации распространение заключается в предоставлении доступа к такой информации, то применительно к порнографическим материалам для признания факта распространения достаточно только лишь предоставления возможности использования таких материалов. Иными словами, распространение вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации будет считаться оконченным преступлением в случае установления факта получения вредоносной компьютерной программы хотя бы одним лицом. В то время как для признания оконченным преступлением распространения порнографических материалов достаточно лишь размещения соответствующих материалов независимо от того, воспользовалось ли лицо ими или нет.

Представляется, что такой подход к определению распространения применительно к различным ситуациям и предметам не только не способствует стабиль-

ности правоприменительной практики, но и противоречит принципу законности. Данная проблема в очередной раз свидетельствует об отсутствии у законодателя и правоприменителя системного подхода к вопросу криминализации противоправных деяний, связанных с появлением различных результатов инновационной деятельности.

Отсутствие у законодателя четкого понимания содержания инновационной деятельности приводит и к другим проблемам. Так, например, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, образуют только создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Вместе с тем инновацией может признаваться не только новая, но и улучшенная разработка, в том числе при помощи трансформации. В этой связи в ходе инновационной деятельности может создаваться не только новая вредоносная компьютерная программа, но и модернизированная или улучшенная. В этой связи с формальной точки зрения отсутствие в ст. 273 УК РФ указания на то, что компьютерная программа может, например, модернизироваться, а не создаваться, не позволяет привлечь виновных лиц за подобные деяния к уголовной ответственности.

Предмет преступления по ст. 273 УК РФ образуют только компьютерные программы либо иная компьютерная информация. В этой связи встает вопрос о том, образуют ли состав преступления перечисленные в отмеченной статье деяния, совершенные, например, с цифровой информацией. К сожалению, однозначный ответ на данный вопрос на сегодняшний день отсутствует. Казалось бы, исходя из формального толкования рассматриваемой нормы, в виду того что в ней ничего не сказано о цифровой информации, она не является предметом преступления по ст. 273 УК РФ. Вместе с тем, в связи с тем что до настоящего времени в законодательстве четко не определено, что понимать под цифровой информацией, нередко ее и компьютерную информацию рассматривают как синонимы. Так, например, по мнению Н. А. Зигура, компьютерная информация – это сведения, представленные в электронно-цифровой форме на материальном носителе, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи информации [5]. И если применительно к электронным и информационно-телекоммуникационным сетям косвенно вопрос их разграничения был разъяснен в п. 17 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37, то относительно соотношения понятий «компьютерная информация» и «цифровая информация» вопрос по-прежнему открыт.

Подводя итог, следует отметить, что в сегодняшних реалиях, связанных с динамичным развитием инновационной деятельности в целом и отдельных ее направлений в частности, ускоренным внедрением инноваций, требуется своевременное реагирование уголовного законодательства на возникающие вызовы. Вместе с тем приведенные примеры свидетельствуют о том, что законодательные решения нередко принимаются бессистемно, ситуативно, имеют существенные правовые и технические недостатки, что приводит к ослаблению уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере инновационной деятельности. Причина этого заключается и в отсутствии ясности, неоднозначности и аморфности существующих понятий инновационной деятельности, ее результатов и смежных категорий, которые имеются в теории права и в таком виде проецируются на уголовное

законодательство. В этой связи сегодня спустя более 25 лет с момента принятия Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» назрела необходимость внесения изменений в данный документ и закрепления актуальной и четкой дефиниции инновационной деятельности и смежных с ней терминов, таких как, например, цифровизация, роботизация и т. п., что позволит повысить эффективность правового, в том числе уголовно-правового, регулирования данной сферы деятельности и в конечном итоге позволит ускорить темпы инновационного развития Российской Федерации и противодействия росту преступности в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобылев С. В Рязани впервые робот возбудил дело о взыскании с должника. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17971333?ysclid=liung9t758892316789> (дата обращения: 08.06.2023).
2. Петров М. П. Совершенствование методов административно-правового регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 54–62.
3. Писенко К. А. Публично-правовая охрана объектов исключительных прав как механизм стимулирования инновационной деятельности и место публично-правовых институтов конкурентно-правового регулирования в данной системе // Административное право. 2009. № 3. С. 86–93.
4. Башкатова А. Была модернизация – стала цифровизация. Власти берут переменны под тотальный контроль // Независимая газета. 2019. 13 окт. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-10-13/1_7700_cyfra.html?ysclid=lm8te9kge16225917 (дата обращения: 01.05.2023).
5. Зигура Н. А. Природа компьютерной информации как доказательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28. С. 50–52.

REFERENCES

1. Bobylev S.V. *Ryazani v pervye robot vozбудil delo o vzyiskanii s dolzhnika* [In Ryazan, for the first time, a robot initiated a case for recovery from a debtor]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17971333?ysclid=liung9t758892316789> (accessed June 8, 2023).
2. Petrov M.P. Improvement of the methods of regulation of innovation activity under administrative law provisions. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 10 (71), pp. 54–62. (In Russ.).
3. Pisenko K.A. Public-legal protection of objects of exclusive rights as a mechanism for stimulating innovation activity and a place of public-legal institutions of competitive legal regulation in this system. *Administrativnoe pravo = Administrative law*, 2009, no. 3, pp. 86–93. (In Russ.).
4. Bashkatova A. There was modernization – digitalization became. The authorities are taking changes under total control. *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspaper*, 2019, October 13. Available at: https://www.ng.ru/economics/2019-10-13/1_7700_cyfra.html?ysclid=lm8te9kge16225917 (In Russ.). (Accessed May 1, 2023).
5. Zigura N.A. The nature of computer information as evidence. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2009, no. 28, pp. 50–52. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ – доктор юридических наук, заместитель начальника института по учебной работе Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

VASILII N. NEKRASOV – Doctor of Sciences (Law), Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Статья поступила 10.08.2023

